

ЮЛИЯ РЕЗНИК МОЙ ПАПА - PLAYBOY

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлия Резник

Мой папа – плейбой

<https://litres.ru/73775746>

SelfPub; 2026

Аннотация

Говорят, первая любовь не ржавеет. Но только не тогда, когда тебя бросают юной, растерянной и беременной. Обжегшись единожды о Богдана-Плейбоя-Связерского, звездного хоккеиста и известного ловеласа, Рита и по сей день дует на воду. Но жизнь не стоит на месте крошечный комочек счастья вырос в замечательного сына, карьера в самом зените, а у отца сынишки, похоже, проснулись отцовские чувства. Но можно ли простить предательство? И какова цена такого прощения?

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	35
Глава 5	46
Глава 6	56
Глава 7	66
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Юлия Резник

Мой папа – плейбой

Глава 1

– Ты не мог бы говорить погромче? Что ты сломал? – уточнила Рита у трубки, перекрикивая шум дорожных работ, ведущихся аккуратно возле здания ее офиса. В руках Рита сжимала папку с распечаткой новенького проекта и довольно увесистую сумку, а потому трубку ей приходилось удерживать плечом, что тоже не добавляло четкости звуку.

– Руку. Поломал руку... Мы поехали в Порт Авентуру, катались на Разъяренном Бако, потом отправились в сплав по Град Каньону, а уж на Диком Буффало это и случилось.

– Постой. Кто поломал руку? – насторожилась Рита.

– Так Марик. Кто ж еще? Говорю ведь, это случилось на Диком Буффало! Дикий Буффало – тот еще зверь.

– Какой, на хрен, Дикий Буффало, Связерский?! – зашипела Маргарита в трубку. – Ты хочешь сказать, что угробил моего сына в вашу первую же совместную вылазку?!

– Почему сразу – угробил? Такое случается... – оправдывался ее бывший. – Разве это плохо, что парень растет настоящим мужчиной? Да на том аттракционе взрослые мужики

в три ручья плакали и просили их снять...

– Возможно, это потому, что у них остались хоть какие-нибудь мозги?!

Рита ворвалась в прохладный холл бизнес-центра и прислонилась закипающим лбом к стене. Пышные сочные ветки раскидистой пальмы скрыли ее от любопытных глаз. Рита втягивала носом воздух и выдыхала ртом, убеждая себя, что никакой трагедии не случилось. Марик просто поломал руку.

Вот, ведь чувствовала! Чувствовала, что этим закончится дело. Нужно, наверное, поставить свечку, что все ограничилось лишь сломанной рукой, потому что от папочки ее сына можно было ожидать чего угодно. А она тоже... хороша! Надо было стоять на своем и не поддаваться на провокации.

– Я так и знал, что ты будешь орать!

– Ну, знаешь... – вмиг завелась Рита по-новой. У Связерского обнаружился прямо какой-то дар – выводить ее из себя. Seriously! Обычно уравновешенная и смешливая, рядом с ним она вспыхивала, как порох! Впрочем, как тут не вспыхнуть?!

– А я что говорю? Ты совершенно невыносима.

– Заткнись! Заткнись, Бодя, богом тебя прошу. Не буди во мне зверя. Так... Я хочу поговорить с Марком. Передай ему трубку! – вновь обретя контроль над собой, распорядилась Рита.

– Не могу. Он только уснул. День был очень насыщенный.

– С ним точно все хорошо?

– Да. Самый обычный перелом. У меня таких – с полдюжины было, и еще хуже!

– Избавь меня от долгого и унылого перечня своих многочисленных травм.

– Не таких уж и многочисленных, – обиделся собеседник.
– Я в отличной форме!

– Что не может меня не радовать... – пробормотала Рита, выбираясь из своего укрытия. Еще немного, и она опоздает на совещание, которое сама же и назначила.

– Ты, никак, на алименты намекаешь? – проявил чудеса догадливости Связерский. Ну, надо же... Оказывается, не все мозги отбил!

– Еще бы. Пока находятся идиоты, готовые платить миллионы долларов за махание клюшкой и выбивание зубов, я могу быть спокойна за благосостояние своего ребенка. Вряд ли с твоей пенсии по инвалидности много стрясешь. Слушай, Бодя, а в Америке, вообще, как – пенсию по инвалидности платят?!

– Ну, ты и стерва!

– Ты прав! Нельзя смеяться над больными людьми, – согласилась Рита, в последний момент заскакивая в переполненный лифт. – Вернемся к делу. Сейчас я отменю все запланированные встречи, закажу билеты до Барселоны и бронирую номер в гостинице. Ваш адрес у меня имеется... Алло! Алло! – в какой-то момент связь оборвалась! Да чтоб

тебя!

Едва не пропустив свой этаж, Рита вывалилась из лифта и пронеслась по коридору. Вот уже пара лет, как она смогла себе позволить перевести свой офис поближе к центру, что как бы само собой намекало – дела у нее шли довольно неплохо. Тьфу-тьфу...

Пройдя через приемную, Рита бросила на ходу: «Ольга Павловна, зайдите ко мне» и захлопнула за собой дверь кабинета. День только начался, а она чувствовала, что ей просто необходимо выпить. В какой-то момент жизни зона ее комфорта плавно перекочевала в вино-водочный отдел. И она с точностью до секунды знала, когда это случилось!

Около года назад Рите позвонил агент Связерского и через переводчика сообщил, что его сиятельная задница желает увидеться с сыном. Рита тогда подумала, что это это чья-то злая шутка, и бросила трубку. Второй раз он позвонил на следующий день. И был очень настойчив. Бормотал о каких-то правах и взывал к ее разуму. В общем, она его открытым текстом послала. Ага. Так и сказала: «Фак ю, уважаемый Джон». Или Джек... иди – как там его? Да, к черту.

Ее дорогая мамочка сказала бы, что такое поведение – прямое следствие её психологической незрелости. Мама Риты была большим специалистом в вопросе психологической незрелости, точно так же, как и во многих других вопросах. В общем, она могла отправляться по известному адресу на пару с Джоном, или Джеком, или как там его...

Дверь в кабинет открылась. На пороге возникла монументальная фигура Ольги Павловны. В руках она держала небольшой серебряный поднос, на котором возвышалась Ритина утренняя чашечка кофе. Ольга Павловна варила потрясающий кофе! Маргарита благодарно кивнула.

– Я так понимаю, у нас ЧП?

– Можно и так сказать. Я должна уехать на несколько дней. Отмените все встречи до конца недели и закажите билеты до Барселоны на ближайший рейс. Совещание пусть проведет Игорек. Он в курсе текущих планов. Впрочем... будет лучше, если он все же зайдет. Я сориентирую... – проводила инструктаж Рита, просматривая содержимое кошелька. – Паспорт! – щелкнула пальцами и снова нырнула в сумку.

– А как же проект Ивановых?

– Ах, да! Это тоже ложится на Игорька. Я уже все подготовила, – взгляд скользнул по лежащей на столе папке, – ему останется только убедить их, что это то, что им нужно. Сделать это будет сложно – со вкусом у этих ребят – большая беда.

Ольга Павловна покачала головой и что-то пометила у себя в блокноте.

– Риточка, вы меня простите, но что все же произошло? – уже у самого порога не сдержала интереса секретарша. Хорошая, хорошая Ольга Павловна! Прелесть, а не женщина! Вообще-то, на заре своей карьеры, Рита имела совсем дру-

гие представления о том, как должен выглядеть секретарь в успешной фирме, и Ольга Павловна совсем не вписывалась в то ее представление! Она была лет на двадцать старше необходимого, килограмм на тридцать тяжелей и на полжизни опытнее. Но ни на секунду Рита не пожалела о том, что приняла ее на работу.

– Марик руку сломал. Вот, как чувствовала я! Нельзя его одного отпускать! – опять завелась, выбираясь из-за стола.

– Ох! И как это случилось?

– Я не в курсе подробностей! Несчастный случай на каком-то аттракционе. – вздохнула Рита.

– Ну, это что... Мальчишки! – философски протянула Ольга Павловна, как будто этот факт на самом деле все объяснял.

– Да-да, мальчишки... Ольга Павловна, пожалуйста, билеты мне нужны как можно скорее! Я сейчас домой, соберу хоть какие-то вещи...

– Ах, да! – спохватилась женщина, – это я быстро! Вы поезжайте, а билеты я вам сброшу по электронной почте.

– Да, будьте любезны! Я сейчас с Игорьком переговорю и сразу уеду.

Игорек все понял с лету. Хороший, талантливый мальчик, с которым ей очень повезло. Его инструктаж не занял много времени, так что уже через десять минут Рита снова выскочила в душный июньский день. Рассыпанные кучи асфальта жутко воняли. Казалось, этот мерзкий запах впитывается в

ее кожу и разъедает глаза. Липкая испарина вмиг покрыла все ее тело, шея под волосами взмокла. Рита на бегу достала их сумки резинку и собрала волосы в хвост, мысленно проклиная Связерского.

– Сына ему. Как же! – бубнила она, спускаясь в метро по эскалатору. – Только через мой труп!

Богдан Связерский, собственной персоной, соизволил ей позвонить буквально через неделю после их последнего разговора с его агентом. До этого дня последний раз Рита слышала о Связерском ровно тринадцать лет назад, поэтому было бы, наверное, логично, если бы она его не узнала. Но нет. Разве можно было забыть этот сексуальный бархатный тембр, который с годами стал еще более притягательным? Разве его вообще можно было забыть? Она думала, что справила с этим, а на деле... На деле Марго реагировала на Богдана так же остро, как когда-то давно.

– Маргарита, здравствуй. Это Богдан Связерский. Нам нужно поговорить.

– С чего бы это? – поинтересовалась она, с удовольствием отмечая, что её голос практически не дрожит.

– Послушай, я знаю, что последние двенадцать лет был не самым лучшим отцом на планете...

– Это ты правильно заметил!

– ... но сейчас я бы хотел все исправить.

– Серьезно? – подозрительно протянула Рита, судорожно соображая, с какого перепуга Богдану мог понадобиться ее

сын. Во вдруг проснувшиеся отцовские чувства Связерского она не верила категорически и, если так разобраться, имела на то полное право!

– Так и есть. Послушай, я хотел бы встретиться с ним...

Чудеса-а-а! Двенадцать лет не хотел, а тут – нате!

– Аааа... Кажется, я понимаю! Тебе шайба между ног прилетела?

– Что? Шайба? О чем ты?

– Говорю, тебе, таки, отбили яйца?

– Что за бред ты несешь?!

– Нет?! Ну, тогда я не знаю. Ты переболел свинкой? ЗППП? Варикоцеле?

– Да ничем я не болел...

– Точно? Тебя хорошо обследовали?! – стояла на своем Рита, которая, наконец, нашла объяснение его неожиданно проснувшимся отцовским чувствам. Что, если Связерский утратил способность иметь детей?

– Мне кажется, что я тебя совершенно не понимаю.

– Это ничего! – успокоила Рита бывшего, – ты же за океаном сколько уже?! Ах, да! Без малого тринадцать лет! Вот там и оставайся!

– Послушай, у меня есть права, которыми я хочу воспользоваться!

– Ты серьезно вообще? Думаешь, можешь убежать от нас на другой конец света, а потом через столько лет что-то требовать?!

– Еще как могу! Если ты помнишь, от сына я не отказывался!

Рита даже окосела от такой наглости! Ну, может быть, не окосела, но глаз точно задергался. Она разозлилась и никак не могла взять под контроль свою злость! Ей не нравилась та женщина, в которую ее превращал Связерский. Злорадная, мстительная мымра! Рита была бы и рада вести себя как-то иначе – более сдержанно и по-взрослому, но та ужасная боль, которую он ей причинил, все то, что она пережила в одиночестве, преданная им и напуганная... сводили на нет все её усилия.

– Он тебя видеть не захочет! – без тени сомнений озвучила Рита свой последний и решающий аргумент.

– Что говорит лишь о том, что ты совершенно не знаешь Марка!

– Да пошел ты, знаешь, куда?!

На этот раз обозначать направление посылки она не стала. Сдержалась каким-то чудом! И была тем невыносимо горда. Отбросила трубку, оперлась ладонями о столешницу и несколько раз глубоко вдохнула.

Не отказывался он! Как же...

Он не то, что отказывался... Он... Он...

– Мама? А ты чего здесь пыхтишь?

– Марик! Привет, золотой... Я не заметила, как ты пришел.

– Угу... Я так и понял... Что-то случилось? – уточнил сы-

нок, сгружая на пол огромную сумку со своим снаряжением.

– Нет-нет! Ничего. Зачем ты это сюда приволок? Тащи в гардеробную! Да не забудь разобрать, не то опять все завоняется. Только уже, наверное, давай после ужина. А пока мой руки...

Марк кивнул и пошел прочь из кухни, волоча за собой следом баул. Через несколько секунд в ванной зашумела вода.

– Не забудь сунуть грязные вещи в корзину! – проорала Рита из кухни и, смахнув набежавшие слезы, заглянула в духовку, где на слабом огне томился сытный мясной рулет. Это был их с Марком мир! Этот дом, эта кухня, эти разговоры за ужином! Даже грязные вещи сына, которые он регулярно забывал за собой убирать – это была тоже лишь их история! История семьи, которая складывается день за днем, год за годом! Семьи, в которой не было места для Богдана-Плейбоя-Связерского! Звезды НХЛ, любимца женщин и репортеров. Что он знал о своем сыне? Ничего?! Он хотя бы помнил, когда у Марика день рождения? Может быть! Ведь это был единственный черный день в истории Богдана Связерского, конечно, за исключением разве что дня их с Риточкой встречи!

– Пахнет вкусно! – заявил ребенок, потянув воздух носом.

– Я старалась, – вымученно улыбнулась Рита. – Как прошла тренировка?

– Нормально. Я отрабатывал вброс. Олег Георгиевич со-

гласился с отцом насчет того, что мне нужно над этим серьезно поработать, – шаря в холодильнике, пробубнил Марик. Рита качнула головой, гордясь успехами сына, и лишь спустя ненормально долгое, растянутое во времени мгновение, спросила:

– С каким отцом?!

Глава 2

Маргарита закидывала в сумку вещи и вспоминала о том, как впервые узнала о том, что Связерский без её ведома подобрался к Марку. Именно это так сильно Риту и взбесило. До трясучки! До разноцветных мелькающих перед глазами точек. Он не имел... Не имел никакого морального права действовать за ее спиной! Разве это вообще законно?! Марку было двенадцать. Самый трудный, самый непредсказуемый возраст, когда любой нормальный родитель в буквальном смысле на цыпочках движется по шаткому мостику над огненной пропастью пубертата. Шаг влево, шаг вправо – и все. Упустишь, потеряешь доверие и контакт. Да ей кошмары снились! А этот?! Что он знал о воспитании подростков? В последнее время все чувства сына как будто обострились, он был возбужденным и взвинченным. И теперь Рита не стала бы с уверенностью утверждать, что дело исключительно в переходном возрасте, начавшемся у Марка довольно рано! Что, если его поведение стало результатом появления Связерского в его жизни?!

Явился! Здравствуйте, я ваша тетя! Тьфу ты. Папа... Хотя, какой он, к черту, папа?! Когда Марик назвал этого... этого... отцом, у нее чуть сердце не остановилось. Точнее, оно и остановилось на несколько мучительно долгих секунд.

И стало иррационально обидно! Она себя чувствовала преданной и брошенной. Да, это глупо, наверное, и неправильно. Собственно, сыну Марго и не показала истинных чувств. Затолкала обиду подальше, в глубину ноющего, рвущегося на части сердца.

Больше всего Риту волновало то, что сам Марк ей ничего не сказал. Господи... Она ведь была хорошей матерью! И ей казалось, что у них выстроились замечательные доверительные отношения. Она была внимательна к сыну, старалась уделять ему максимум внимания, общалась с ним на любые темы, интересовалась его жизнью, и до недавнего времени Рита думала, что у них нет друг от друга секретов. И что? Получается, она ошиблась?

– Мой отец, – буркнул Марк, захлопывая ногой дверь холодильника.

– Постой... Ты не говорил мне, что вы общаетесь.

– Потому что тебе бы это не понравилось! К тому же я уже взрослый. Это мое решение.

Марик воткнул острый клинок в её материнское сердце и даже того не заметил. Рита сглотнула, судорожно соображая, как ей поступить. В последнее время сын стал мнить себя взрослым мужчиной, но несколько скудных волос, вылезших на его подмышках, не делали его взрослым! У нее мозг плавился от мыслей – как ей лучше всего поступить? Что бы он там себе не думал, Марк еще не был способен самостоятельно решить все свои проблемы, и то, что он пытался дока-

зять обратное ей, да и, наверное, всем окружающим, только лишний раз лишало его душевного равновесия. Он стремился к совершению взрослых поступков, но слабо отдавал себе отчет в последствиях таковых. И ей нужно было подсказать ему что-то толковое, помочь с этим всем справиться, а она не знала! Не знала, как!

– Это неправда. Ты же знаешь, что я никогда не была против твоего общения с Богданом.

– Угу... Ну, тогда ты не будешь возражать, если я полечу к нему на каникулы.

Рита осела на стул. Ей, наверное, грозил инфаркт. Или инсульт. Или аневризма... На худой конец, у нее мог оторваться тромб.

– Воу-воу, парень. Полегче. Я не успеваю за ходом событий. Давай ты мне расскажешь все по-порядку? – осторожно предложила Марго, чувствуя, как боль в левом глазу становится по-настоящему опасной.

– Ну, а что тут рассказывать? Папа зовет меня к себе погостить.

Марк всыпал в блендер протеин и обезжиренное молоко, добавил банан и, будто их разговор был уже закончен, включил адскую машину. Жидкость закружилась с бешеной скоростью, как и мысли Риты.

– Это исключено, – отчетливо и по слогам выговорила она, когда в кухне снова установилась тишина. – Я не против вашего общения, но я тебя не отпущу одного за тридевять зе-

мель к незнакомому, по сути, человеку.

– Мама!

– Подумай над этим, Марк. Подумай, каково мне – узнать об этом вот так. Я верю в твое благоразумие.

Марик запыхтел, как еж, возмущенно на нее поглядывая. В нем все выглядело возмущенным: нахохленная поза, стоящие торчком золотистые волосы, горящие глаза... Сейчас он был очень похож на Связерского. И никакой генетической экспертизы не надо. Впрочем, у Богдана хватило совести не настаивать на ее проведении, хоть его прежний агент и озвучивал такую мысль.

Рита поежилась, возвращаясь воспоминаниями на годы назад. Никогда! Никогда в жизни она не чувствовала такого страха, как тогда, когда поняла, что Богдан не собирается принимать участия в их жизни с ребенком.

Они были знакомы с самого детства. Вместе сидели на горшках в детском саду, в школе за одной партой... Впрочем, это длилось недолго. Талант Богдана обнаружился еще в в старшей группе. А потому вся его жизнь была подчинена хоккею. По факту, в школу он более-менее нормально отходил лишь класса до четвертого. А потом на её посещение у него просто не осталось времени. Тренировки утром, тренировки вечером, тренировки в выходные. Короткий отдых днем. Он пропадал на катке. Он жил там. Да и не то, что ему было куда возвращаться. Ни для кого не было секретом, что семья Богдана была далеко не самой благополучной. Мать и

отец пили, как сапожники, и время от времени поколачивали ребенка. По крайней мере, до той поры, пока тот не научился давать сдачи.

Рита помнила Богдана худым, настороженным, плохо подстриженным, одетым в какое-то старье, купленное в секонд-хенде. Нет, во времена их детства мало кто мог похвастаться достатком, но ведь как-то жили. А Бодя... Бодя выживал.

Единственное хорошее, что с ним случилось – была его встреча со своим первым тренером. Тот дал ему шанс, которым Богдан сумел воспользоваться. Да еще как... К их школьному выпускному он был уже звездой юниорской сборной. А она... она была влюбленной в звезду дурочкой.

Господи... Они ходила на все его игры! Перлась через весь город на стадион, а ведь путь был неблизким. Сначала двумя маршрутками до метро, а потом еще на нем. А назад – так и вовсе... Матчи заканчивались, когда транспорт уже ходил с перебоями, и несколько раз ей приходилось возвращаться домой пешком. Однажды – в двадцатиградусный мороз. Рита заработала себе воспаление легких и очередной скандал от матери. А еще домашний арест, который она нарушила, чтобы снова пойти на игру... И ведь не напрасно! В тот раз Богдан не просто помахал ей рукой после матча, а разрезая лед мощным скольжением, так, что следом за ним взвивался шлейф из снежной крошки, резко затормозил у борта и поманил пальцем.

– Привет... – чуть смущенно улыбаясь, поздоровалась Ри-

та.

– Привет. Чего не была на прошлой игре? Я две шайбы забросил.

– Ага. Я слышала... Круто.

– Ну, так а где тебя носило?

– Да так. Заболела. А это твоя последняя игра, да? А что потом? Ты уже решил?!

– Как?! Разве ты не знаешь?

– Чего?

– Я заявлен на драфт, Измайлова, – блеснул белозубой улыбкой Богдан, и у нее от счастья задрожали коленки.

Они бы могли, наверное, долго болтать, если бы Богдана не окликнул тренер:

– Связерский, тебя одного ждем!

Богдан кивнул, взмахнул рукой и покатил прочь. Стадион постепенно опустел, а Рита сидела, тупо уставившись на лед, раздражаемая такими противоречивыми чувствами! С одной стороны, она была рада, что Богдан добился своего, почему-то она нисколько не сомневалась и в том, что его выберут, и в том, что он станет звездой НХЛ, о чем мечтал еще, наверное, с детского сада. Но с другой... эгоистичной такой стороны, Рите совершенно этого не хотелось. Она представить не могла, как без него будет жить... И представлять не хотела.

Сунув в небольшой чемодан, который по идее должен был поместиться в ручную кладь, небольшую походную сумку с

косметикой, Рита опустила на кровать и устало растерла глаза. С той же силой, что когда-то любила, в этот самый момент она Связерского ненавидела!

Да, ненависть к ней пришла далеко не сразу. Как раз сейчас, когда он так бесцеремонно ворвался в их с Мариком жизнь. А до этого... она не ненавидела, нет. Она о нем старалась не думать. В какой-то момент Богдан для нее просто умер. Или это ее любовь к нему умерла? Впрочем, какая разница? В любом случае, никаких эмоций этот мужчина в ней не вызывал. А вот теперь – это же кошмар какой-то! Руки дрожат, как у запойного пьяницы!

На телефон пришло оповещение о поступившем на почту письме. Это Ольга Павловна выслала ей билеты, обозначенное время вылета на которых намекало на то, что ей следует поторопиться! Рита застегнула чемодан, сунула загранпаспорт в рюкзачок, проверила наличные и карты. Уже спускаясь к заранее вызванному такси, она вспомнила о том, что не позвонила деду! Достала телефон. Пока набрала номер, одной рукой открыла багажник и сунула в него чемодан, быстро обошла машину и скользнула в салон.

– Дед? Привет! У меня для тебя новости.

– Привет, Риточка, привет, моя хорошая. Вот ты – как всегда – сразу быка за рога.

– Угу, как-то не до реверансов сегодня, – согласилась с дедом и, прикрыв трубку ладонью, скомандовала водителю: – В аэропорт, к терминалу Д, если можно.

– Да у тебя так всегда! Остановилась бы, осмотрелась. Все куда-то бежишь, – ворчал по-доброму дед.

– Ага... Остановишься тут! Я, вообще, чего звоню... ты меня на выходные не жди. Марик поломал руку, я лечу за ним в Барселону.

– Однако.

– Угу...

– Ну, ты-то, главное, с плеча не руби. Всяко бывает – пацан есть пацан.

Рита едва сдержалась, чтобы не фыркнуть. Что-то ей сегодня все об этом напоминают, как будто она в этом нуждается! Пацан! Но, когда этот пацан был с ней – обходилось без переломов! Марик в жизни себе ничего не ломал, хотя она не могла сказать, что растила его в тепличных условиях. Нет, всякое было. И на горках скакал, и по деревьям в саду дедовой усадьбы лазил. Спорт, опять же, выбрал весьма травмоопасный. Но ведь обходилось как-то, а тут... Нет, это первый и последний раз, когда Связерский забрал её сына. И дураку понятно, что ничего хорошего ждать не приходится!

– Он безответственный, тупоголовый кобель! Ему не то, что ребенка... Ему вообще ничего нельзя доверить! Он только все портит!

Последнюю фразу Рита сказала вслух, но поняла это, только когда услышала презрительное хмыканье водилы и мягкий журчащий дедов смех:

– Ну, а его кобелизм здесь причем?

– Не удивлюсь, если он засмотрелся на какую-нибудь свистелку, вот за Марком и не доглядел! Он, знаешь ли, без ума от женщин. Его же так и зовут – Богдан Плейбой Связерский!

– Риточка, наш Марк – взрослый парень, сам, за кем хочешь, присмотрит. И уж если на то пошло, то лучше быть без ума от женщин, чем дураком от природы.

– А он и есть дурак! Нет... хуже! Пф... – резко выдохнула Рита, понимая, что снова начинает заводиться.

– Вот так! Молодец. Успокаивайся... – одобрил ее старания дед.

Как же ей с ним повезло! Ведь если бы не он... где бы она сама была?! Уж точно бы – не в Барселону летела...

– Извини, дед. Я в последнее время сама не своя. Не понимаю, зачем он объявился. Еще и Марка в это втянул, а тот... – Рита взмахнула рукой и скосила взгляд на водителя, который то и дело бросал на нее косые взгляды в зеркало дальнего вида. – Ладно, это не телефонный разговор.

– Ага, – согласился мужчина. – Слушай, а работу ты на кого бросила, горемычная? Может быть, выйти, подсобить?

Ритин Дед был ботаником от бога. Не зря столько лет отработал в родном институте, преподавая студентам физиологию растений, о которых, кажется, знал все! Как они появляются, растут, дышат, за счет чего питаются, что с ними происходит зимой... Он столькому ее научил, так помог ей с фирмой... Рита до конца дней будет благодарна деду. Она

его безмерно любила.

– Там за старшего Игорек остался. Если не будет справляться – сам тебя наберет. А пока отдыхай.

– Да какой же тут отдых, милая? Начало лета...

Рита тяжело вздохнула. Да, начало лета... Золотая пора для любого ландшафтного дизайнера, а она вместо того, чтобы заниматься делами фирмы, вынуждена лететь в Испанию! Рита скомкано попрощалась с дедом и уставилась в окно, ничего перед собою не видя.

– Приехали, дамочка! – прервал ее невеселые мысли таксист.

Маргарита расплатилась с водителем, достала багаж и потащила к входу в терминал.

Глава 3

Рейс задерживался на полчаса. Сидя в переполненном зале ожидания аэропорта, Маргарита не с первой попытки подключилась к дерьмовому бесплатному WiFi. Она питала надежду хоть немного поработать, но мысли разбегались, и у нее совершенно не получалось сосредоточиться. Стоило признать – она волновалась. Глупо, иррационально, совершенно по-бабски. И от этого злилась еще сильнее. На саму себя злилась... Подумаешь! Ну, встретятся они, и что? Да ничего! Абсолютно... Просто из чувства тщеславия Рите не хотелось упасть лицом в грязь. Она, может, и не чета моделям да всяким актрисам, с которыми путался Связерский, но для обычной земной женщины – вполне себе ничего. Фу, какое все же мерзкое слово... Женщина!

Оглядевшись по сторонам, Маргарита достала зеркало и просканировала отстраненным взглядом собственное отражение. Говорят, что маленькая собачка всю жизнь – щенок. Наверное, так оно и есть. По крайней мере, паспорт в ликероводочном отделе у нее требовали регулярно. Из зеркала на Риту смотрела симпатичная немного испуганная девчонка. Круглолицая, с ямочками на щеках, чуть курносый носом и теплыми карими глазами. У нее были светло-русые волосы, а вот брови и ресницы – почему-то намного более темными,

что позволяло ей экономить время на макияже. Сейчас Марго выглядела несколько взвинченной и возбужденной. Казалось, что это напряжение передалось даже ее волосам – ненавистные пружинки еще больше завились и приподнялись у корней. Рита пригладила шевелюру, но ситуация не изменилась.

– Обрежу! – в который раз пообещала она, отбрасывая кудри за спину. Однако, кажется, даже ее непослушные волосы понимали, что эти угрозы были жалкими и абсолютно неосуществимыми. Однажды она уже решилась на такой шаг – лучше не стало. Ее прическа стала напоминать прическу покойного Джимми Хендрикса. А ведь Рита даже не была афроамериканкой.

Отложив зеркальце, Марго нерешительно помедлила, но все же ввела запрос «Богдан Связерский». Не глядя на тысячу высыпавшихся ссылок и фотографий, прошла по первой в Википедии. «Богдан Связерский. Выбран Вашингтоном в 20... году под общим первым номером. В НХЛ провел тринадцать сезонов, а десять лет назад заключил четырнадцатилетний контракт на сумму в сто тридцать шесть миллионов долларов, войдя в тройку самых высокооплачиваемых хоккеистов мира». – Челюсть Маргариты медленно опустилась вниз. – «В 20... году вошел в число десяти лучших игроков НХЛ, включен в список ста величайших хоккеистов, а в прошлом году Связерский привел команду к победе в Кубке Стенли, став самым ценным игроком турнира».

Рита захлопнула рот, осознав, что выглядит, наверное, совершенно по-идиотски, и с силой растерла виски. Зря она это затеяла... Ой, зря-я-я. Но, не в силах остановиться, её взгляд скользнул дальше. Сосредоточился на фотографии. Конечно, Богдан изменился. За столько-то лет. Но она бы соврала, если бы сказала, что в худшую сторону. Он впечатлял. В нем все впечатляло... Ширина плеч, огромный рост, и взгляд! Взгляд смертельно опасного хищника. Его несколько не портили первые лучики морщинок у глаз, синяки и пересекающий бровь шрам. Богдан выглядел, как секс в чистом виде. А ведь Марго еще даже не дошла до фотографий с его последней съемки для рекламы мужского белья! А когда дошла...

– Твою мать... – выдохнула Маргарита и чуть резче, чем следовало, захлопнула крышку ноутбука. Но это не помогло. Полный набор кубиков пресса и идеально вылепленная грудь бывшего – все равно стояли перед глазами. – Да чтоб тебя! – рассердилась она.

К счастью, объявили посадку, и Рита хоть немного отвлеклась от мыслей о бросившем ее, как ненужную вещь, мужике. В самолете тоже было не до него: Испания летом – довольно популярное направление для туристов. Ни одного свободного места, куча детей, снующих туда-сюда по салону, орущие груднички! Этих-то куда тащат? – сердилась Рита. К моменту посадки она чувствовала себя выжатой, как лимон, а потому никак не могла сообразить, что ей делать дальше. Навер-

ное, добраться до вокзала, от которого отправляется электричка в Ситжес, или поехать автобусом? Какого черта она об этом не подумала раньше?! Уж лучше бы составила маршрут, чем паялилась на полуголого Связерского, чтоб ему пусто было! Не прекращая движения, Рита подключилась к интернету, чтобы узнать, с какого вокзала отправляется электричка.

– Estaciode Franca... – пробормотала она и... будто в бетонную стену врезалась. – Извините... Сорри, порфомор...

– Порфомор не из этой области, – сверкнул белозубой улыбкой... Связерский! протягивая ей букет.

Извиняющаяся улыбка вмиг потухла, Рита открыла рот, но, не успев ничего сказать, закружилась, будто подхваченная за руку ураганом.

– Марик! У тебя рука сломана! Слышишь?! Перестань меня кружить! Остановись, не скачи!

– Сюрприз! – орал Марк на всю округу. Дите дитем... Только уже почти с нее ростом и уж точно сильнее!

– Сюрприз удался! – заверила Марго сына, краем глаза мазнув по его отцу.

– Ну, что мы стоим! Пойдем! Карета подана. Знаешь, какая крутая тачка? Улет!

Рита нерешительно переступила с ноги на ногу. Мимо проходили люди и с улыбками на них поглядывали, очевидно, думая, что они – семья, воссоединившаяся после долгой разлуки. Как же сильно они ошибались!

– Погоди, Марик. Мне нужно посмотреть название гостиницы... – чуть подрагивающим то ли от чувств, то ли от присутствия Связерского голосом осадила сына Марго.

– Какой еще гостиницы?

– Той, что я забронировала.

– Забей! – подал голос Богдан, – номера в нормальных отелях выкуплены еще зимой.

– Значит, я остановлюсь в ненормальной, – обдала бывшего холодом Маргарита, как если бы это не она сейчас плавила от низкого сексуального тембра его завораживающего голоса.

– Пф! – фыркнул Марик и потащил ее за руку к выходу. – У папы огромная вилла с собственным пляжем! Для тебя уж точно найдется местечко.

– Исключено.

Они остановились у шикарного кабриолета. Марк оглянулся, насупив брови, и Рита напряглась, уже предчувствуя назревающий скандал. К черту. В любом случае она не собиралась жить со Связерским под одной крышей. Ни за что. Ни за какие коврижки!

– Запрыгивай в тачку. А мы с мамой поговорим, – подал голос Богдан. Рита открыла рот, чтобы сказать, что им не о чем разговаривать, но тут же заткнулась, споткнувшись о его ироничный взгляд.

– Лады! – обрадовался Марк. – Па, а можно я дам кружок?

– Обалдел, что ли? Это – общественная стоянка.

Рита выдохнула. Хотя тут Богдан поступил благоразумно. Впрочем, ей все равно не стоило расслабляться. Марго чувствовала, как от напряжения у нее сводит лопатки.

– Так что ты хотел обсудить? – Холодно. Ровно. Тонем, который репетировала последних несколько месяцев. Она больше не та влюбленная в него дурочка. Пусть не обольщается. Хотя... С какого перепугу ему обольщаться на этот счет? За ним увиваются десятки красивых успешных женщин... На кой черт ему она? Рита Измайлова...

– Марк высказал вполне разумную мысль...

– Которую ты вложил ему в голову?

– Может быть... Послушай, с меня не убудет, если ты проживешь пару дней на моей вилле. Поверь, дом, и вправду, такой большой, что при желании ты меня не увидишь... Но в любом случае, так будет гораздо удобней нам всем.

– Мам, соглашайся! – ныл Марк.

– Только на пару дней. Как только это станет возможным, я заберу Марика, и мы вернемся домой, – капитулировала Рита.

– Зачем? – обернулся Богдан, сканируя ее лазером своих голубых непроницаемых глаз.

– У него сломана рука. Ему требуется нормальный уход и...

– Слушай, здесь адски жарко! Может быть, мы все же поедем, а все остальные вопросы обсудим потом? – перевел стрелки Связерский, запихивая в багажник ее чемодан и бу-

кет, который она так и не удосужилась взять.

Рита вздохнула, открыла заднюю дверь его и вправду шикарной машины. Что-то ей подсказывало, что ничего им решать не придется. За неё и так уже все решили! Такое странное чувство...

Дорога из Барселоны в Сиджес была во всех отношениях приятной. Как всякий небедный человек, Связерский, конечно, поехал по платной автостраде, на которой не было никаких пробок. Марик без умолку болтал, рассказывая о своих приключениях, о Диком Буффало, на котором он сломал руку, и о поездке в парк. Рита и слова не могла вставить. Да и вряд ли это было необходимо. Марку нужно было просто выговориться. Вот и все. К тому же перекрикивать свистящий в ушах ветер да шум колес ей совсем не хотелось. Поездка в кабриолете на деле оказалась довольно сомнительным удовольствием. В лицо летели мошкара и пыль, вспотевшее в отсутствие кондиционера тело прилипало к обитому красной кожей креслу, а с волосами и вовсе – беда. Рита нырнула в рюкзачок, чтобы найти платок на голову. Она точно знала, что тот у нее имелся. На всякий случай. Так и есть! Откинув копну волос за спину, Марго повязала шарфик и нечаянно наткнулась на пристальный взгляд Связерского. И хоть тот был в очках – черных, как его душа, рей-бенах, она была уверена, что он за ней наблюдал! Телом прошла сладкая дрожь. Да чтоб его! Рита резко отвернулась, делая вид, что её увлек открывающийся пейзаж. Посмотреть, и правда,

было на что – насколько хватало глаз – море. Но кого она, ей богу, обманывала?! Перед глазами, один черт, Связерский стоял, и ее захлестывали, уносили воспоминания...

Богдан объявился лишь на выпускном. Еще на последнем экзамене по математике по школе пошел слух, что звезда их класса «обещали быть». Как она готовилась к этому вечеру, боже... Как же сильно она его ждала! Крутилась перед зеркалом на примерке, представляя, как он увидит ее в этом шикарном золотом платье и потеряет голову!

– Стой, Ритка! Не крутись, не то уколю иголкой... Вот тут еще чуть распустить, тебе не кажется?

– Нет! – затрясла головой Риточка. – Пусть так. Я похудею!

И она худела! Просто вообще ничего не ела. А что? Видела как-то, какие Бодьке девчонки нравятся. Понимала, что совсем не такая. Те, как тросточки, тонкие были. А она... фигуристая. Тяжелая грудь, талия, попа... Как говорится, все при ней! Зачем только?! Но ладно. Похудеть она, скажем, могла. А вот с ростом – тут уж не сложилось, так не сложилось. На фоне неприлично высокого Богдана Ритка казалась карликом, поэтому в ход пошли каблуки. Мать ни в какую не соглашалась купить ей босоножки на шпильке. Но Рита упорствовала и в итоге все же получила – красивые, состоящие из тонких, переплетающихся ремешков.

– Подарок на восемнадцатилетие! – строго заметила мама, намекая на то, чтобы других подарков Рита не ждала. Та

рассеянно кивнула, любуясь покупкой. Восемнадцать ей исполнится как раз на выпускной, она и думать о том дне рождения забыла! Главным было другое.

Богдан пришел уже под занавес официальной части праздника. К тому моменту Рита порядком извелась. Сжимая в руках злосчастную медаль, она едва не плакала от отчаяния. А потом, словно свет в окошке. Он! Вальяжный, красивый, в шикарном костюме. Маргарита не разбиралась в брендах, но почему-то была уверена, что этот костюм Богдан купил себе не на рынке. Тот сидел на нем, как влитой, совсем не так по-дурачки, как на других парнях из их класса. Не думая о последствиях, она вырвалась из толпы и пошла ему наперехват.

– Привет! – улыбнулась, демонстрируя ямочки на щеках.

– Измайлова? Обалдеть! Круто выглядишь.

– Спасибо. Ты надолго или...

– Пожалуй, зайду на банкет. А ты?

– Тоже планировала... Хочешь, пойдем вместе? – выпалила Рита, не отрывая взгляда от пола. – У меня сегодня день рождения!

– Восемнадцать?

– Угу.

– Вот так совпадение! И у меня день рождения!

– Ну, ничего себе! Столько лет тебя знаю, а о том, что мы родились в один день, впервые слышу.

– Невелика потеря, – отмахнулся Богдан, – ну, что ж –

тогда нам точно сегодня нужно держаться вместе.

И они держались... Сидели вместе за одним столом, болтали. Точнее, говорил в основном Богдан – о своих планах, о местах, в которых успел побывать... А Рита по большей части слушала. Ну, и ладно. Она совсем не возражала! По сравнению с жизнью Связерского, её собственная казалась ужасно скучной! А потом Богдан пригласил её на танец.

– Мама! Ты спишь, что ли? Мы приехали! Правда, круто?!

Рита отогнала от себя воспоминания и огляделась по сторонам. Мда... Дом плеябоя Связерского, и правда, впечатлял. Впрочем, как и все, что его касалось.

Глава 4

– Да, ты прав. Очень красиво, – согласилась с сыном Марго.

– Здесь патио, а вон там – бассейн, – фонтанировал гостеприимством Связерский.

Стараясь вести себя максимально равнодушно, Рита кивнула. Чего она никогда не понимала, так это зачем люди строят бассейны, когда в шаге – переливающееся всеми оттенками синего бескрайнее Средиземное море?

Следуя за неумолкающим сыном, Марго вышла на задний двор и задохнулась от восторга! Здесь, безусловно, потрудились не только грамотный ландшафтный дизайнер, но и сама матушка-природа. Дом стоял посреди небольшой хвойной рощи, спускающейся к самому пляжу. Здесь были и кедр, и сосны, и кипарисы, и дикие маслины, и мирт с можжевельником. Зеленую палитру сада разбавляли яркие кусты роз и гибискуса, гармонично вписывающиеся в общую картинку. Идеально!

– Твоя спальня на втором этаже, ничего? – спросил Богдан, внимательно следя за реакцией Маргариты.

– Мне все равно.

– Я отнесу вещи.

– Спасибо, не стоит утруждаться. Они совсем не тяжелые.

Богдан хмыкнул. Что ж. Кажется, он разгадал её новую тактику. Холодность и отстранённость. Ну-ну. Ему подходит. Можно даже немного расслабиться, не опасаясь, что она зажмет в кулак его яйца и попросту раздавит их. Или все же не стоит? Так и не решив, как себя вести, Богдан подхватил небольшой Риткин чемодан и двинулся к раздвижным дверям, ведущим в дом.

– Мне не трудно, – небрежно бросил Связерский, тут же переключаясь на сына, – Марк, далеко не уходи. Скоро будем ужинать.

– Окей, па...

Рита стиснула зубы, стараясь не замечать, как часто в речи Марика стало проскальзывать слово «папа». Он втискивал его по поводу и без, как будто наверстывал те годы, когда ему некому было «папкать».

– Я сейчас сделал что-то не так? – спросил Богдан, оставаясь посреди большой светлой комнаты с красивой деревянной мебелью, выкрашенной в лазурно-синий цвет.

– В каком смысле? – спросила Рита, делая вид, что очень заинтересовалась интерьером.

– Ты так сжала губы, что они побелели.

– Тебе показалось.

– Ладно... Послушай, я знаю, что это все слишком...

– Да, перелом Марка меня несколько выбил из колеи.

– Сейчас речь не о переломе.

– Тогда о чем?

– О том, что я снова появился в вашей жизни.

Рита отвлеклась от разглядывания резьбы, украшающей изящный туалетный столик, и напряженно уставилась на Богдана.

– Ну... Продолжай, я слушаю.

– Черт! Ты не собираешься облегчить мне жизнь, – криво улыбнулся Связерский, и на секунду ей показалось, что в синих глазах мужчины мелькнула неуверенность.

– А я должна? – вскинула бровь Рита.

Богдан нерешительно переступил с ноги на ногу. Закинул руку на шею, отчего огромные мышцы перекатились под загорелой кожей.

– Слушай, я в курсе, что поступил с тобой не лучшим образом, и действительно сожалею.

– Видимо, я сейчас должна понять тебя и простить?

Богдан хмыкнул:

– Зная тебя, мне на это не стоит надеяться.

– Зная меня? – приоткрыла рот Маргарита, – а разве ты меня знаешь?

– Дурацкий выходит разговор.

– Не я его затеяла... – пожала плечами Рита, чувствуя, как снова вскипает. Она не понимала, что он хотел! Хотя изо всех сил старалась понять. Богдан не был настолько тупым, чтобы думать, будто такие вещи прощают! Но он был в достаточной мере самоуверен. Марго даже запнулась от пришедшей в голову мысли. Он, что, действительно полагает,

будто она по нему до сих пор сохнет?! Будто он бросит ей свое «извините», а она это съест?!

– Я просто хотел наладить с тобой отношения. Ради Марка... Сейчас нам ничто не мешает стать просто друзьями, как когда-то давно. Мы ведь неплохо ладили. Да, я совершил ошибку. В который раз признаю. Но теперь все иначе. Нам просто нужно двигаться дальше.

Рита сглотнула. Боль в голове усилилась, а перед глазами поплыли точки. Связерский говорил разумные вещи. Да только как отделить их от эмоций, которые просто взрывали ее изнутри?

– Мы могли бы прекрасно провести время, – продолжал увещевать ее бывший. – Сходить в ресторан, прокатиться на яхте, пойти в какой-нибудь клуб. Здесь полно всяческих развлечений...

Он реально считал, что ей есть до этого дело? Да она... Да она... Вела себя, как истеричная баба! – фыркнуло подсознание. – Будь мудрее, Измайлова. Где твоя гордость? Зачем ты рвешь душу, демонстрируя, как тебе было плохо? Думаешь, ему есть до этого дело?! Соберись! Кончай дурака валять... В его рафинированном мире все обстоит совершенно иначе. Там нет места чувствам – только голый расчет. А потому и расстаются друзьями. Нет чувств – нет обиды, нет боли. Любовь и обида – удел таких плебеев, как ты, Риточка. Ему не понять. Он платил алименты. И тем самым, в своем извращенном понимании, делал для сына все, что от него

требовалось.

– Ты прав. Нам нужно думать о Марике.

Богдан вскинул взгляд. Он не ожидал, что Рита так быстро капитулирует. Не надеялся на ее благоразумие, а она сумела его удивить.

– Правда? – недоверчиво вскинул бровь Связерский.

– Ну, конечно. В конце концов, ничего такого не произошло. Никто не умер.

И осеклась. Проглотила слова. Боль, с которой она уже, казалось бы, срослась, снова вскинула голову. Умер... И она могла умереть. Чего уж... Никто не знал, насколько тяжело ей дался Марик. Лишь дед, который два дня провел под палатой реанимации.

Рита нахмурилась, отгоняя набежавший кошмар. Меньше всего на свете она хотела вспоминать тот день.

– Рит...

– Ммм?

– Спасибо. Правда. Спасибо...

– За что? – сглотнула она.

– За сына. Я... – Богдан снова растер шею, но решительно оторвав взгляд от пола, заглянул все же ей в глаза: – Он отличный парень.

И это не твоя заслуга, Связерский... – подумали вместе они.

– Да. У меня чудесный сын... – согласилась Рита.

Богдан кивнул. Постоял в пороге еще недолго и, пробор-

мотав что-то на тему «ну, ладно, не буду тебе мешать», пошел прочь из комнаты. А из Риты будто воздух выпустили. Она осела на край кровати и зарылась лицом в дрожащие руки. Это было слишком... Все еще слишком больно.

Его предательство. Её любовь.

В приоткрытое окошко, надувая, как парус, тюль, врывается легкий освежающий бриз, снизу доносится звонкий голос сына и глубокий – его отца. Они переговаривались о чем-то и смеялись, накрывая на стол, а она неслась... неслась на годы назад в тот вечер, разделивший ее жизнь на «до» и «после».

– Рит... А может, ну ее, эту встречу рассвета? Ну, что мы там не видели, правда? – спросил Богдан, покачиваясь с Ритой в такт орущего из динамиков трека Рианы. Рядом кружились одноклассники, но Рита никого не замечала. Она чувствовала лишь жар крепкого тела Связерского.

– Ну, я не знаю... А что тогда? По домам? – расстроилась почти до слез Рита.

– Ну, да, конечно! Детское время. А поедем, я тебе свой рассвет покажу? Тебе понравится, соглашайся!

Можно подумать, ее нужно было уговаривать!

Богдан вызвал такси и, к удивлению Риты, назвал водителю знакомый адрес. По дороге они заехали в магазин, чтобы купить бутылку самого лучшего шампанского. Платил Богдан.

Они вышли на углу его дома, но, к удивлению, Связерский потянул Риту к заброшенному пустырю, который от-

делял расположенные на их улице высотки от заброшенной стройки. Еще несколько лет назад какая-то фирма собрала деньги на строительство, да так ту стройку до ума и не довела.

– Эй... Здесь, наверное, опасно... – робко возразила Рита, за что-то зацепившись каблуком.

– Трусишка. Я здесь частенько бываю... Осторожно, тут где-то проволока...

– Да где – здесь?

– На восемнадцатом этаже. Дойдешь?

– Ты хочешь забраться на крышу?!

– Почему нет? Оттуда, знаешь, какой вид открывается? Сумасшедший просто...

Рита снова споткнулась и, чтобы не упасть, вцепилась в Богдана. А тот неожиданно зашипел.

– Что? Тебе больно? На тренировке поранился, да?

– Угу, – горько хмыкнул Связерский. – На тренировке, как же... Господи, как хорошо, что я их больше никогда не увижу!

По плечам Риты пробежал холодок. Она поежилась, ступая на лестницу.

– Кого?

– Родителей. Кого же еще? Глаза бы мои на них не смотрели... Зачем только пришел, спрашивается? Думал... пожрать им, хоть, принести. Тортик к дню рождения сына... А, не бери в голову, – отмахнулся. И себе и ей запрещая об

этом думать. Но она не могла. Не могла забыть. Рите было его до слез жалко. А еще она гордилась! Так гордилась им...

– Бодь... – прошептала Рита, чуть сильнее сжимая его сильную руку в мозолях. – Да не думай ты о них. Знаю, что это довольно трудно сделать – какая-никакая родня, но это, наверное, как раз тот случай, когда лучше совсем одному, чем с ними... Да и разве ты один?

– А что, скажешь, нет?

– Нет... У тебя я есть. Я тебя люблю, Богдан. И, наверное, всегда любила.

И тогда он ее поцеловал. В крошечной темноте, где-то между третьим и четвертым этажами заброшенного нерадивыми строителями недостроя. В воздухе пахло строительной пылью и страстью. Богдан был в отчаянии. Отчаянным было все. Его голодные поцелуи, его жадность, алчные движения рук... Он оторвался от Риты на какую-то долю секунды. Уперся лбом в её макушку и прошептал:

– Знаешь, что мне всегда в тебе нравилось?

– Нет...

– С тобой мне никогда не нужно было притворяться, что я тот, кем я не являюсь. Пойдем! – скомандовал он и вновь потащил ее вверх по лестнице.

– Постой, Бодь... Я ведь не чертов хоккеист. Для меня такие подъемы – убийство.

– Мы только на десятом, неженка, – поддразнил Риту Богдан.

– Не могу. Нужно отдохнуть... Еще и ноги растерла.

– Иди, пожалею...

– Бо-о-о-дь. Бодя... – шептала между поцелуями.

– Легче?

– Немножко...

– Тогда я тебя понесу!

И не успела Рита возмутиться, как он подхватил ее на руки и правда понес вверх по лестнице. Его тренированному телу, очевидно, такая нагрузка была привычна. А ей было ужасно стыдно, что она такая тяжелая, и вообще...

– Поставь! Поставь, я тяжелая!

– Кто?! Ты себе льстишь.

Богдан все же поставил ее на бетонный пол. Но явно не потому, что устал. По-правде, он ведь не запыхался даже!

– Я уже отдохнула! – вздернула нос Маргарита. Да только он впотьмах, наверное, и не видел ничего. А потому не оценил её вызова.

– Ну, пойдем... Не то самое интересное пропустим.

И Рита честно на своих двоих поднялась еще на шесть этажей. А там...

– Мама дорогая!

– Красиво, правда?

Красиво! Аж дух захватывает! Огни большого города, новых, красиво подсвеченных высоток. А над ними – тонкий серп луны и сизое небо в рваных клочьях куда-то плывущих облаков.

Рита выпала из реальности. Ничего не видя перед собой и не слыша.

– Вот, падай.

– Надувной матрас? Ты уверен, что его не облюбовали бомжи?

– Не-а. Я здесь пару лет назад отгородил небольшую кладовку.

Богдан встряхнул захваченное с собой покрывало и небрежно накрыл им их импровизированное ложе. Взялся за бутылку вина.

– Стаканчиков нет. Как-то я не подумал.

– Это ничего... будем так.

Дорогое шампанское на деле оказалось кислой шипучкой, которую они пили прямо из бутылки, глядя на занимающийся рассвет. Рита дрожала, хотя от раскаленного за день рубероида шел жар. Рябь на коже вызвал совсем не холод. Огромные руки Связерского, небрежно поглаживающие ее по ногам. Выше, еще чуть-чуть, то приподнимая, то опуская подол ее заметно измявшегося платья. Сброшенные босоножки валялись где-то в стороне...

Дыхание участилось. Ноги раздвинулись, подчиненные древнему танцу. Пальцы скользнули выше, накрывая чувствительное местечко между ног, но еще до того, как она успела испугаться – отступили. Подались вверх, по подрагивающему животу, к скромному вырезу на груди. Богдан потянул ткань вниз, но его руку перехватила ладошка Риты.

За время, проведенное на крыше, их глаза привыкли в темноте. Он напряженно на нее уставился, а после резко отстранился. Марго поежилась, лишенная тепла его тела.

– Извини. Я забыл, что ты еще совсем девчонка.

– Мне восемнадцать! Точно так же, как и тебе! С днем рождения, кстати...

– Да... – хмыкнул Богдан. – Тебя тоже.

– И если ты сейчас подумал, что я хочу тебя продинамить, – прошептала Рита срывающимся, тонким голосом, – вернись, пожалуйста, потому что это не так.

– Нет? – оглянулся Связерский, напряженно всматриваясь в ее лицо.

– Нет... Просто... это впервые, и я немного боюсь.

Глава 5

Толпу качало. Забитый под завязку танцпол гудел и вибрировал. Кого здесь только не было: матерые рейверы, фрики, восходящие звезды подиума и кино. Посмотреть было на что, а вот удивиться – вряд ли. Чего он только ни видел за последние тринадцать лет...

– Эй, Бо! Смотри, какие цыпочки! Как думаешь, вот эта, в красном, вколола какую-то дрянь в соски? Или просто замерзла? – проорал на ухо Богдану один из форвардов их команды. Связерский проследил за взглядом приятеля и хмыкнул:

– Пойди, спроси.

Клайв оскалился, небрежным жестом подхватил свою бутылку с пивом и направился напрямиком к заинтересовавшей его девице. Наверное, вопрос о ботоксе в сосках был не самым приличным. Но вряд ли такая мелочь могла остановить центрального форварда Вашингтонских звезд. Богдан хмыкнул и поднес горлышко бутылки к губам.

– Бо! – донесся до него голос еще одного из парней. Богдан обернулся. Мужики из команды провели самый успешный в истории команды сезон и теперь просто отрывались, наслаждаясь заслуженным отдыхом. Палм-Бич, Майами, Сен-Тропе и, конечно же, Ибица. Этих ребят было не

остановить. Совсем недавно Богдан и сам бы к ним присоединился. Да только куда подевались те славные денечки, когда он от этого действительно кайфовал? В последнее время Связерский все чаще ловил себя на мысли, что их старая компания распалась. Одни – завершили спортивную карьеру и осели на необъятных просторах Америки, другие – продолжали играть, но, остепенившись, обзавелись семьями и детишками. Если так разобраться, то из старого состава их команды лишь он один с таким упорством прожигал жизнь.

– Что ты сказал?

– Здесь становится скучно, – проорал Пит, – мы думаем перебираться. Парни говорят, что неподалеку будет угарная пенная вечеринка. Ты с нами?

Богдан посмотрел на часы. Вообще-то завтра он обещал сыну полет на дельтаплане вдоль побережья. Ему бы выспаться, как следует, но возвращаться домой почему-то совершенно не хотелось.

– Куда я денусь... Погнали.

Вся ночная жизнь в Ситжесе – череда непрекращающегося веселья, танцев до упаду и жаркого секса. То, что нужно ему сейчас, чтобы остыть. От одного клуба до другого – рукой подать. Он даже не успел проветрить голову, как снова попал в самый эпицентр беснующейся толпы. Заказал пиво. Окинул взглядом о чем-то спорящих парней и снова уткнулся взглядом в барную стойку.

Богдан хотел отвлечься от тех воспоминаний, которые все

чаще тревожили его душу – и не мог. С тех пор, как обезумевший фанат ворвался в его дом, угрожая хозяину пистолетом – его жизнь навсегда перевернулась. Точнее, необратимые изменения в ней назревали уже давно, а тот идиотский случай просто стал для Богдана последней каплей. Единственным, о чем он мог думать, глядя в черное дуло глока, так это о том, что так и не успел познакомиться с сыном. Не набрался смелости, хотя имел десятки возможностей. Сколько раз он брал в руки трубку и... трусливо откладывал её в последний момент? Десятки... а, может, сотни. Он так боялся не справиться, что вообще все на свете проспал.

– Эй, сладенький, пойдём, потанцуем...

Богдан обернулся и чуть не упал со стула. Напротив него стоял трансвестит, чья рука с хищным неоновым-оранжевым маникюром в этот самый момент довольно таки бесцеремонно поглаживала его между ног.

– Извини, конфетка. Я не по мальчикам. – Богдан отвел руку транс от собственных яиц и, спрыгнув с высокого барного стула, наконец, удосужился осмотреться.

– Где ты здесь видишь мальчика, здоровяк? – манерничал транс, потряхивая перед Связерским своим впечатляющим бюстом.

– И правда. Это я не подумал. Не хочу тебя обидеть, крошка, но ты бы лучше поискала, кого-нибудь, кого заинтересуют твои причендалы.

Не задерживаясь больше ни на секунду, Богдан подошел к Питу:

– Ты в курсе, что мы забрели в самый голубой клуб города? – прокричал он.

Пит оторопело оглянулся. На секунду его глаза расширились, а после он согнулся в поясе и, колотя себя по ляжкам руками, заржал:

– Извини, бро... Я не вникал в детали.

– Я сваливаю, Пит. А вы берегите задницы...

– Эй, чувак, веселье только начинается!

– Я – пас.

– Гомофоб!

Богдан продемонстрировал приятелю вытянутый палец и, развернув бейсболку козырьком вперед, пошел к выходу. Гомофобом он не был. Его просто достала вся эта кутерьма. А мужская широкая ладонь, сжавшая его яйца – не прибавила настроения. Он поймал такси и, назвав водителю адрес арендованной виллы, уставился в окно.

От слетевшего с катушек фаната его спасло неожиданное возвращение друга. Тот забыл у него ключи от тачки, а когда вернулся – вовремя просек, что к чему, и обезвредил преступника, вырубив того клюшкой для гольфа. Потом была полиция, суд и приговор. Жизни Богдана больше ничего уже не угрожало. Но... все изменилось. Да.

Он все чаще возвращался мыслями в то далекое лето, перед драфтом. Столько лет прошло, а кажется, что это было

вчера. Его самое счастливое лето...

Ритка... Она была в его жизни, кажется, всегда. Единственная, кто нормально к нему относился еще до того, как он стал подающим надежды спортсменом. Это потом уже с Богданом стало модно дружить, а в самом начале... свое лидерство ему приходилось отстаивать кулаками. Для Измайловой же он всегда был самым лучшим. Маленькая, пухленькая, преданная, как щенок. Она ходила за ним по пятам, готовая пуститься с ним в любую авантюру...

Шли годы, они выросли и неминуемо друг от друга отдалялись. Богдана захватил спорт. Тренировки, разезды, соревнования... Другие девчонки, как пчелы выющиеся вокруг популярных парней. Доступные девчонки, без заморочек. В них так легко было потеряться! Не думать о собственной ненужности, о пьянках и драках родителей, о катящейся по наклонной сестре... Он нашел лучший способ забыться – секс. Неплохой вариант. Уж точно лучше, чем самому опуститься, или забраться в петлю.

Богдан дал себе клятву, что вырвется из этого порочного круга: что никогда не повторит судьбу родителей; не оправдает надежды дерьмопедагогов и психологов, культивирующих его комплексы и заочно записавших в неудачники; что он зубами выгрызет себе другую жизнь, и... просто сделал это.

К моменту окончания школы Богдан зарабатывал уже, наверное, больше, чем все его учителя, вместе взятые, а уж о

его перспективах кто только не говорил! Он-то и на выпускной пошел лишь только затем, чтобы показать этим уродам – вот он я – Богдан Связерский. Будущая звезда НХЛ.

Нажравшийся в говно папаша, правда, чуть было все не испортил, но к тому моменту Богдан уже научился давать ему сдачи. А чего он не умел – так это закрывать душу от нападков родителей. После каждого такого скандала или драки ему требовалось несколько дней, чтобы прийти в себя. Тогда он верил, что где-то внутри их заспиртованных тел еще теплится любовь к сыну... Но в день его восемнадцатилетия и этой надежды не стало.

Богдан всего лишь принес им продукты и торт. Мог бы не беспокоиться. Он давным-давно жил один. Но... не беспокоиться не получалось. С огромным пакетом наперевес он открыл обшарпанную дверь и вошел в квартиру. Сестра спала на продавленном старом диване. Откуда он только взялся – и полугода еще не прошло с тех пор, как он купил родителям новую мебель.

– Явился... – прокомментировал приход сына уже с утра вмазанный отец.

– Я продуктов принес. И торт.

Надеяться на то, что родители вспомнят о его дне рождения, было бессмысленно. Да они и не вспомнили.

– А бутылку? Бутылку где дел? Вот здесь стояла...

– Не брал я ничего.

– Эта, что ли, сучка выжрала?

Отец пнул сестру ногой.

– Эй. Хватит... – вступился Богдан.

– А ты заткнись, щенок! Тебя не спрашивали...

Ну, и началось... Впрочем, отец был не в том состоянии, чтобы причинить Богдану реальный вред. Хотя ребрам все же досталось. Он мог ничего не рассказывать Ритке. Сказать, что на тренировке приложился, да что угодно соврать. Вот только надоело ему притворяться. И надоело таскать это в себе... Хотелось выговориться, продезинфицировать душу. Она все о нем знала, и почему-то перед ней ему никогда не было стыдно. В общем, в подробности он не вдавался, чтобы не испортить вечер, да она и так все поняла... В любви призналась, дурочка, а он пропал. Накинулся на ее губы. В темноте, окутавшей недострой, Богдан ни черта не видел. Но он отлично помнил, как Ритка смотрелась... Ладненько так. Вкусно. Он вообще другой типаж предпочитал, но в тот момент выбирать ему не приходилось, да и не хотел он другого. Совсем не хотел! В это место на крыше, облюбованное им еще ребенком, он мог привести только Риту. Потому что только она бы его поняла... И только она его любила. Просто так. Не за то, кем он стал.

Нужно было притормозить... Дать себе выдохнуть, потому что чувства переполняли. Богдан притянул синий надувной матрас, открыл шампанское. Кислятина такая – жуть. Включил фонарик, потому что ни черта не было видно, а ему почему-то хотелось на Ритку смотреть. Скоро ведь уедет, и

все... А она такая красивая! Почему только раньше не замечал? И кожу фарфоровую, идеальную, и пухлые губы, и по-настоящему шикарную грудь. Он Риту еще со времен садика в пампушки записал, но от ее лишних сантиметров теперь ничего не осталось. Она стала счастливой обладательницей идеально женственных форм. Подхлестнутое злостью желание вспыхнуло и заструилось по венам. Он сдерживал себя из последних сил, осторожно лаская ее точеные ножки. А потом почувствовал, как она застыла. И будто в прорубь окунулся. Совсем спятил! Это же Ритка... Его Ритка! Куда он полез?!

– Извини. Я забыл, что ты зеленая совсем... – и не хотел ведь обидеть, но она, похоже, обиделась.

– Мне восемнадцать! Точно так же, как и тебе! С днем рождения, кстати...

– Да... Тебя тоже.

– И если ты сейчас подумал, что я хочу тебя продинамить, вернись, пожалуйста, потому что это не так.

Богдан не мог поверить своим ушам. Она правда предлагала то, что предлагала?

– Нет?

– Нет... Просто... это впервые, и я немного боюсь.

Даже сейчас Связерский не мог бы сказать, какого черта тогда случилось... А в тот момент его будто под дыхшибануло. Кислород замер в легких. Сердце опустилось в живот и затрепетало вместе с... Ну, вы понимаете.

Его никто не любил. А она не просто любила. Она отдавала ему, Богдану Связерскому, самое ценное, что у нее было. Беззаветно ему отдавала. В тот раз именно он к ней потянулся. Как собачонка, с которой всегда Ритку сравнивал. Быть с ней, быть частью ее – стало жизненно необходимо. У него руки дрожали! В первый раз даже не дрожали, а тут... Накрыло.

– Рита...

Ее тоже колотило, как при простуде. А он ничего не мог с этим поделать. Ничего не хотелось, на ласки не оставалось сил. Он бестолково водил руками по ее телу и целовал, целовал... целовал! Не помня себя, стянул с нее трусики. Прощел дрожащими пальцами. Как все случилось – не помнил. Только ее тоненький всхлип.

– Тише-тише... Сейчас... сейчас станет лучше, Ритка...

Но он знал, что ни черта не стало! Не справился он... Все испортил! Вмиг забыл, чему научился за последние четыре года активной сексуальной жизни.

– Молодой человек... Молодой человек! Мы приехали!

Воспоминания отступили не сразу. Богдан потрянул головой, плохо соображая, полез в карман за бумажником. Расплатился. Невольно бросил взгляд на окно в спальне Риты. Конечно, в нем было темно. Открыв дверь, Связерский взял в холодильнике банку Спрайта и вышел в патио. Он снял эту виллу в последний момент, когда Рита согласилась отпустить с ним сына. Испания стала их компромиссом. В США Рита

сына не отпустила, и Богдану пришлось искать что-то подходящее поближе, в Европе. Раньше бы ему не понравился этот напитанный историей дом — он предпочитал все современное, как и он сам, не имеющее корней и истока. Но в разгар лета на побережье осталось не так уж и много свободных вилл. Выбирать не приходилось.

А вот Маргарите этот дом явно понравился. Она вписывалась сюда как нельзя лучше. В этом своем воздушном голубом сарафане, готовящая завтрак для большой и наверняка дружной семьи. Это было так просто представить...

Богдан немного отвлекся, чтобы открыть шипучку, а когда снова поднял взгляд, замер, замороженный открывшейся ему картиной.

Глава 6

Измайлова избегала его весь день. Нет, она не демонстрировала своего пренебрежения и не делала вид, что его здесь нет. Марго вообще вела себя довольно ровно, а ведь Богдан уже приготовился держать оборону. Довольно закономерная готовность, учитывая то, что с тех пор, как он впервые ей позвонил, Рита еще ни разу не разговаривала с ним нормально. Впрочем – кто ж спорит? – она имела на это полное право.

А тут еще этот гребаный перелом! Связерский и сам здорово испугался. Ругал себя, что позволил Марику прокатиться на довольно опасном аттракционе, и едва сдерживался от того, чтобы не вкатить администрации парка иск на адскую сумму с большим количеством нулей. Хотя, если быть честным, их вины в происшедшем не было.

Успокаивало только то, что сам Марк держался молодцом. Мужик. И так было дерьмово осознавать, что это вовсе не его, Богдана, заслуга. Черт... Он ведь сам, по собственной воле вычеркивал из своей жизни единственного сына, не зная, какой он умный, веселый, мужественный и талантливый. Не зная о нем вообще ни-че-го.

После того происшествия с вооруженным нападением он принялся наверстывать упущенное. Первое, что он сделал – это нашел Марика на Фейсбуке. В современном мире было

так просто найти кого угодно! Особенно, когда этот кто-то так сильно похож на тебя. И вообще проще простого, когда вся его страница завалена видеороликами хоккейных игр. Всех твоих гребанных игр...

Что это было? Обычное увлечение парня спортом? Или попытка хоть каким-то образом приблизиться к отцу, которому двенадцать лет не было до него дела? Богдан не знал. Глядя на фото ухмыляющегося Марка, он испытывал что-то, совершенно необъяснимое. Возможно в тот момент в нем зарождалась любовь... Но в любом случае, чем бы ни было то странное тянущее внутри чувство, он принял для себя решение все исправить. Да, он испугался. Да, он бросил Риту одну. Он долгое время жил с этим дерьмом. Но пришла пора, если не очиститься, то... хотя бы попытаться сделать это.

Сказать легче, чем сделать. Богдан понятия не имел, с чего ему нужно начать. Наверное, поговорить с Ритой, но его мужество не было безграничным. Оно имело предел и заканчивалось аккурат там, где начиналась она сама. Уже совсем не та девочка, которую он помнил. Другая. Злая. И ненавидящая. Это, пожалуй, шокировало сильнее всего. Он больше не был для нее ожившей сказкой. Он стал ее кошмаром.

К счастью, Богдану помог сам Марк. Под одним из хейтерских отзывов, который совершенно случайно попался Связерскому на глаза, его сын яростно за него вступился. Нет, Марик, конечно, и словом не обмолвился, что капитан команды – его отец, просто... пацан сумел поставить тролля на

место. Он разобрал его игру покруче чертового аналитика! В том матче с Тампой Богдан был настолько крут, что каждый его выход на лед оборачивался для хозяев поля кошмаром, а его скоростные прорывы по флангам ставили тех в тупик. И если бы они под конец игры не докумекали, наконец, блокировать его незрячие передачи на Томпсона, Тампа оказалась бы в еще большей заднице. Связерский это понимал, это понимали в команде, и понимали тысячи его фанов. Но только лишь его сын заступился. Сын, которого он бросил. Если, конечно, он знал, кто его отец.

Тогда, чтобы прощупать почву, Богдан ответил на комментарий:

«Спасибо, сынок», – написал он. Так и началось их виртуальное общение.

К счастью и к чести Риты, она ни в коем случае не скрывала от Марка его личность. Хотя, наверное, могла и имела право. Он не настаивал, чтобы мальчик был в курсе, он вообще ни на чем не настаивал...

Богдан запрокинул голову и в несколько жадных глотков осушил полбанки спрайта. Как и любой мужчина, он не слишком любил копаться в себе. Но в последнее время без этого не обходился ни один его день. Черте что. А между тем игнорирующая его весь день Маргарита спустилась по лестнице, ведущей с балкона второго этажа в патио, подошла к бассейну и, как кошка, одной ногой потрогала воду.

Связерский чуть поджал ноги, прячась в тени. Ему не хо-

телось нарушать её уединения. По какой-то причине Рита не пошла с ними на море днем. Пусть хоть в бассейне поплещется. Оглянувшись, как воришка, по сторонам, она развязала поясок и скинула халат с плеч.

Твою мать... Какого черта?! Богдан опустил недоуменный взгляд на подпрыгнувший как по команде член и... с шумом выдохнул.

Она совершенно не изменилась. Все такая же... шикарная, да. Лучшего слова не подобрать. Идеально гладкая кожа, крутые бедра. Тонкая талия, изумительной формы ножки. Мягкий живот, тяжелая грудь. Все, как ему нравилось. Все, что он так долго стирал из памяти.

То лето – стирал.

Маргарита еще нерешительно помедлила и, осторожно ступая вниз по ступенькам, вошла в воду. Плавала она отвратительно. По-собачьи. И это выглядело довольно смешно. Впрочем, все компенсировал энтузиазм, с которым она бралась за любое дело. Ритка даже попыталась проплыть под водой, но ни черта у нее не получилось. Обтянутая скромным голубым купальником попа как поплавков всплывала кверху. Отфыркиваясь, Марго встала на ноги и тихонько рассмеялась, откинув голову. Так, словно не было прошлых лет. Так, будто она и сейчас была способна находить радость в любой мелочи. Сам Богдан эту способность утратил напрочь... Сложно было с прежним энтузиазмом восхищаться тем, что переживал уже тысячи раз. Он ловил себя на мысли, что его

все меньше трогают... женщины, развлечения, деньги. Богдан как будто разочаровался в собственной жизни, а как её изменить – не знал. Не было в нем огня. Пресыщенный и разбалованный судьбой, он был абсолютно несчастен.

Маргарита поплескалась еще недолго и осторожно выбралась из бассейна. Он так и не выдал своего присутствия. Она ушла так же быстро, как и появилась.

Утром настроение у Богдана было хуже некуда. Он забыл задернуть шторы, и солнце, бьющее ему прямо в глаз, успело накаливать комнату. Он сбросил с себя сырые простыни и сходил в душ. Первым делом – пробежка и тренировка. Он не молодец, и должен был оставаться в форме, что с каждым годом давалось ему все сложнее. Так что, отпуск отпуском, но на некоторые вещи отдых просто не распространялся. Натянул эластичные шорты, свободную майку-борцовку с эмблемой Nike, спустился вниз. Рита и Марик обосновались в кухне. Связерский даже моргнул. Разве не так он ее представлял в своих вчерашних фантазиях?

– Привет, па... А мама готовит завтрак!

Рита оглянулась. Ее пухлые губы немного поджались, как будто она была чем-то недовольна, но ей быстро удалось взять под контроль собственный эмоции.

– Будешь яичницу? Могу вбить пару яиц для тебя.

– Пару яиц мне на один зубок, детка. Тогда уж сразу штук шесть.

– Не называй меня деткой... – поморщилась Рита и отвер-

нулась к холодильнику.

– Мам... Да так ведь просто говорят. Ну, парни...

– Мне это не нравится.

Богдан развел руками и, меняя тему, спросил у сына:

– Ты как? Идешь со мной на разминку?

Марк нерешительно посмотрел на мать.

– Э нет. Не строй мне глазки. Твоей руке нужен покой.

Так что никаких разминок, Марк. Даже не думай...

– Да я в порядке... – не сдавался ребенок.

– Мама права. Мне стоило об этом подумать, – вздохнул

Связерский.

Рита выгнула бровь, что как бы подразумевало – да, надо было, но вслух ничего не произнесла. Помешала на сковородке овощи, вылила в них яичную смесь и накрыла крышкой. Она даже не спросила, как он любит есть эти чертovy яйца. Хотя, ему ли жаловаться?

Буквально через пару минут их завтрак был готов. Марк болтал о планах на день, предвкушая предстоящий полет, и с жадностью набивал рот. Его сын был крепким активным парнем, которому требовалось много калорий.

– Не разговаривай, не прожевав. Это выглядит мерзко, – закатила глаза Рита, и совершенно невольно Богдан ухмыльнулся. Сейчас она выглядела Моской, твякающей на слона. Марк закатил глаза. – Я все видела! – излишне сварливо заметила Рита, но, не выдержав, фыркнула. Потрепала сына по выгоревшим на солнце волосам и поцеловала в лоб.

– Ну, вот... Говорю же. Она все время разводит эти девчоночьи нежности. Те, кто не знает, что это моя мать – думают, что мы встречаемся, – покачал головой Марк.

– Глупости какие! – Рита застыла посреди кухни, шокированно уставившись на сына.

– Так и есть. Ты ж вон, какая малявка.

– Дело не во мне!

Рита открывала и закрывала рот, очевидно, обдумывая свой ответ, и Богдан был готов поклясться, что знает, какое направление приняли ее мысли. Очевидно, она считала, что Марку еще рано встречаться с девочками. И тут Связерскому, как отцу, наверное, нужно было что-то сказать, но он понятия не имел – что именно. Сам Богдан лишился невинности в четырнадцать, и это совсем не то, что ему хотелось обсуждать с матерью собственного сына или же с ним самим. Он – это совсем другое дело. Марик же... намного более благополучный ребенок. И Богдан был совершенно не против, если бы детство сына продлилось как можно дольше. В конце концов, он его почти не застал.

Настроение испортилось. Связерский натянул бейсболку, пряча лицо в тени козырька, и проверил свои AppleWatch, приложениями которого он самым активным образом пользовался. Уже на выходе из кухни вдруг вспомнил, что не убрал за собой со стола. Вернулся, подхватил тарелку и под пристальным взглядом Риты сунул ту в посудомойку.

– К ней есть инструкция? – осведомилась мать его ребен-

ка.

– Марк, покажи маме, как здесь все работает.

Не дожидаясь ответа, Богдан сунул в уши капельки наушников и вышел прочь. Он любил бегать. То замедлялся, то, придавая телу ускорение, выжимал свой максимум. Бег очищал мысли, освобождал голову. Но не в этот раз. Перед глазами стояло лицо Марго. Такое же детское, как будто время для нее перетекало в каком-то другом измерении. Такое знакомое, что можно было представить, будто не было всех этих лет. Отмотать их назад, как пленку, чтобы исправить то, что он натворил.

В наушниках орал Кендрик Ламар, мимо проносились изменчивые средиземноморские пейзажи, встряхивая в голове мысли и чувства. Пробежав еще несколько километров, Марк повернул назад. Пот струился по лицу и капал с носа, футболка насквозь промокла и липла к телу.

– Ты сегодня долго! Мы ведь собирались полетать! – на встречу отцу выбежал сын. Он был похож на него, как две капли воды, но вот этим щенячьим восторгом и нетерпением, какой-то безусловной любовью и готовностью прощать он был в мать. Ту, какой Богдан ее помнил. У него сердце каждый раз замирало от него такого. Связерский чувствовал, как Марк корнями в него прорастает, а вместе с ним прорастает и вина. Глубже, еще глубже... Туда, откуда ее уже не выкорчевать. Богдан думал о том, сколько потерял времени, сколько всего упустил и... Бл*дь, это было паршиво.

– Я сейчас позвоню кое-кому, уточним насчет полета.

– Какого полета? – насторожилась Рита, выходя во двор вслед за сыном.

– Эээ... Ну, мы думали полетать на аэроплане. У меня есть разре...

Она даже не дала ему договорить! Сощурилась, подперла кулаками бедра:

– На аэроплане, значит? То есть Дикого Буффало тебе показалось мало?

– Мам, ну, не начинай...

– А я не с тобой сейчас разговариваю, Марик. – Рита ненадолго отвлеклась на поникшего сына и снова сосредоточила взгляд на Богдане.

– Это абсолютно безопасное мероприятие.

– Так ты, наверное, и про Дикого Буффало думал.

– Я...

– Исключено! Никаких аэропланов.

– Мама...

– Я все сказала, Марк! Ты, кажется, хотел поехать на какой-то пляж... Вот это – пожалуйста. А с полетами – давай мы повременим. Пусть хоть рука срастется.

Рита развернулась на сто восемьдесят градусов и пошла от них прочь. Вся ее фигура, казалось, выражала негодование. Пружинки волос, собранных на макушке, как будто наэлектризовались и торчали в разные стороны, ее плечи были напряжены, а спина была неестественно ровной.

Марик открыл рот, чтобы начать спорить. Но Богдан покачал головой, пресекая скандал на корню.

– Она невыносимая!

– Она просто за тебя волнуется. Со временем ты это поймешь.

– Когда стану взрослым?

– И это тоже.

– Не все взрослые так кудахчут над своими детьми, – буркнул Марк, отворачиваясь.

– Долгое время она беспокоилась о тебе за двоих. Думаю, ее страхи понятны.

Марк скосил на отца взгляд и, никак не прокомментировав его слова, пошел следом за матерью.

Глава 7

На пляже было слишком многолюдно и шумно. Раньше бы Богдана такое положение вещей лишь порадовало – куча полуголых девочек, диджейские сеты, непрекращающееся веселье и море алкоголя. Местной публике было плевать, когда тусоваться. Лето для них превращалось в одну большую вечеринку. Только и того, что днем веселье перетекало из шумных клубов на пляжи и огромные белые яхты. От смены декораций суть происходящего не менялась.

– Привет, здоровяк! Хочешь выпить?

Богдан обернулся на голос и наткнулся взглядом на двух абсолютно одинаковых барышень. Скользнул оценивающим взглядом ниже, ничего не скажешь – хороши! К тому же близняшки-азиатки – это как раз то, чего у него еще не было. Определенно, он мог бы заинтересоваться, если бы не...

– Пап! Скорей! Наша очередь!

Связерский оглянулся на нетерпеливо переминающегося с ноги на ногу сына. Его русые волосы выгорели на солнце и смешно топорщились на макушке, к лицу прилип белый песок. Марк достигал уже его плеча и в будущем обещал приобрести поистине впечатляющие размеры. Как и отец. А еще... он был изобретателем и вместе с двумя приятелями в прошлом году создал ридер для слепых, за что был удостоен

даже какой-то премии.

Он так мало о нем знал...

– Пап!

– Иду... Простите, девочки, я на сегодня занят.

Барышни расстроено вздохнули, мазнули взглядами по выдающимся мышцам его пресса и, бросив напоследок «если передумаешь – мы во-о-н там», пошли к бару. А Богдан, помахав красоткам на прощание рукой, вернулся к сыну. Они нагребли всяких закусок, пива, воды и побрели к своим шезлонгам. Одним из плюсов отдыха в Европе было то, что хоккеистов здесь узнавали чуть реже. По-полной от фанатов в старушке огребали лишь футболисты. Какие-нибудь Роналду. Благослови их господь.

Не то, что Бо совсем не встречались фанаты, нет... Но по сравнению с тем, что творилось в Америке, после их победы в суперкубке – здесь был просто рай на земле.

– Какого черта... – выдохнул он.

– Ух, ты! Я не знал, что ты позвал парней из команды! – восхитился его сын, очевидно наблюдая ту же картинку, что и сам Богдан. Что в свою очередь означало – она ему не привиделась. Ритка действительно сидела в обществе самых отъявленных мерзавцев НХЛ и весело над чем-то смеялась.

– А я и не звал... – свел брови Связерский, приближаясь. Ну, правда, какая была вероятность, что они подкатят к его бывшей? Или найдут его самого посреди огромного гребаного пляжа!

– Привет, ребята... Как ночка, Пит? Жопа целая?

– Ух ты! Вот так встреча... – заржал его друг, приобнимая и похлопывая Богдана по плечу.

– Ну, вот... Ты уже и тискаешься, как девчонка...

– Выкуси! – не терял хорошего настроения Пит, чья мужественность просто не поддавалась сомнению. – Знакомься, это Рита.

– А мы знакомы! – оповестил всех присутствующих Богдан и, застолбив территорию, вытянулся рядом с Марго на лежаке. – Это наш сын – Марк. Марик, тащи сюда кальмаров. По-моему, в кляре переизбыток транс-жиров. Что скажешь?

– Не знал, что у тебя есть сын, – почесал в затылке Пит, бросая на Марго недоверчивые взгляды.

– Мы не афишируем эту информацию, – равнодушно пожал плечами Богдан и открыл банку Бада.

Тем временем Марк с достоинством пожал руку всем присутствующим мужикам и плюхнулся на песок.

– Так, значит, вы не вместе?

– Нет!

– Да!

Одновременно выпалили Рита и Богдан. Пит оскалился.

– Ну, тогда не вижу причин, почему нам стоит отменять наше свидание, – этот мудака совершенно его не стесняясь, сосредоточил все свое обаяние на матери его, Богдана, ребенка, и не сказать, что этот факт оставил его равнодушным. Волна протеста поднялась из глубины души и замерла акку-

рат поперек горла. Богдан убеждал себя, что ему было бы все равно, если бы Ставински не был таким отъявленным бабником. А так... он просто не хотел для Марго новой боли. Если в мире и была женщина, совершенно не предназначенная для ни к чему не обязывающего секса – так это точно была Рита Измайлова.

– Ну, что? Как насчет вкуснейшей паэли с морепродуктами? – пер напралом Пит.

– Я ведь объясняла, что не могу... – улыбнулась Рита, демонстрируя детские ямочки на щеках и маленькие, идеально ровные зубы.

– Из-за сына? Да брось! Он взрослый парень, к тому же Бо за ним приглянет. Ты ведь приглянешь, дружище?

– Черта с два. Отвали от неё...

– Эй! – глаза Риты широко раскрылись. – Я сама могу за себя отвечать.

– Вот и хорошо, сладенькая... Я тебе позвоню, – разулыбался Пит, которого, кажется, забавляло поведение Связерского. – В общем, не будем вам мешать. Клайв, Ник... кажется, вон те цыпочки вас уже порядком заждались.

Дурачась и переговариваясь, его друзья побрели прочь. Глядя им вслед, Рита улыбалась, в то время как настроение самого Богдана стремительно портилось.

– Держись от него подальше, – посоветовал он, наблюдая за Марком, устроившимся на песке прямо у линии воды.

– Это почему же? – искренне заинтересовалась Рита. А

он еще больше помрачнел. Это что же выходит, Пит ее действительно заинтересовал?

– Он не из тех мужчин, который тебе нужен.

– Откуда тебе знать?

Богдан фыркнул. Как будто это не было очевидно!

– Нет-нет, ты расскажи! Мне интересно даже. С чего это ты так решил?

– Он не будет менять памперсы детям, жарить барбекю и ходить по выходным в церковь.

Рита закатила глаза и торопливо натянула на нос очки. Такие темные, что за ними не было видно глаз.

– Ты слишком американизировался. Мы не ходим по выходным в церковь.

– Что, впрочем, не отменяет того, что Пит тебе совершенно не пара.

– Да брось! Он пригласил меня в ресторан.

– Поверить не могу, что ты согласилась пойти туда с первым встречным!

– Это еще почему? Я на отдыхе, Связерский. А он – отличный парень.

– Что лишний раз доказывает, что ты совершенно его не знаешь.

– Он забавный и красивый. Что еще мне нужно знать, чтобы решиться на ни к чему не обязывающую встречу?

– С ним не бывает ни к чему не обязывающих встреч! Да он же тебя взглядом уже тысячу раз раздел! Ты что, не по-

няля, чего он хочет?

Рита приподнялась на шезлонге, спустила ноги на песок и, отбросив очки, внимательно на него уставилась.

– Что смотришь?

– Да просто поверить не могу, что мне читает нотации Богдан Плейбой Связерский.

– Идиотское прозвище!

– Но, согласись, отражающее суть.

– Я просто не хочу, чтобы этот мудака причинил тебе боль!

– А я думала – он твой друг.

– Что не отменяет того, что он мудака по отношению ко всем своим бабам.

– Вроде тебя?

Она его уела. Одним вопросом выбила из него все дерьмо. Он мог прикладывать сколько угодно усилий к тому, чтобы все исправить. Но это ничего... абсолютно ничего не значило. И ничего не меняло. Богдан ошибся. Просрал все еще тогда, когда, будучи восемнадцатилетним сопляком, бросил ее один на один с проблемой. Когда вместо поддержки и внимания – просто ушел. Когда струсил до такой степени, что не смог с ней даже просто поговорить. Когда доверил этот вопрос своему агенту и нанятым им юристам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.